

3. Komarova Ju. A. Nauchno-issledovatel'skaja kompetentnost' spetsialistov: funktsional'no-soderzhatel'noe opisanie // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena: Nauchnyj zhurnal. Serija «Psihologo-pedagogicheskie nauki». SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2008. № 11(68). S. 69–77.
4. Simonovich S. V. Informatika. Bazovyj kurs: Uchebnik dlja vuzov. 3-e izd. Standart tret'ego pokolenija. SPb.: Piter, 2011. 640 s.
5. Smirnova E. A. Rol' formirovanija kommunikativnyh umenij v professional'noj podgotovke buducyxprih specialistov // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena. 2007. T. 8 № 30. S. 89–96.
6. Sovremennye sposoby aktivizatsii obuchenija: Ucheb. posobie dlja stud. vyssh. uchebn. zavedenij / T.S. Panina, L.N. Vavilova; pod red. T.S. Paninnoj. M.: Izdatel'skij tsentr «Akademija», 2006.
7. Sofina V. N. Sistemnyj podhod k analizu struktury professional'noj kompetentnosti vypusknika vuza // Izvestija RGPU im. A. I. Gercena, 2010. № 128. S. 7–16.
8. Suhanov M. B. Reshenie zadachi linejnoj optimizatsii v Microsoft Excel i OpenOffice.Org Calc // Informatika i obrazovanie. 2009. № 3. S. 76–79.
9. Jekonomicheskaja informatika: uchebnoe posobie / Pod red. D. V. Chistova. M.: KNORUS, 2010. 512 s.

М. П. Стародубцев

АКТУАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ИДЕАЛА ЧЕЛОВЕКА В ПОНИМАНИИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА XVIII ВЕКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУЖДЕНИЙ

Развитие теории и практики образования в России на всех его этапах было обусловлено изменениями в общественном сознании представлений о человеческих ценностях, об идеале человека и целях его воспитания и образования, которые, в свою очередь, были вызваны влиянием конкретно-исторических условий социально-экономического развития. В развитии образования в России в XVIII веке, в период правления Екатерины II, отразились те изменения, которые произошли в этот период во взглядах на духовные и жизненные ценности высших слоев русского общества. Новые ценности, связанные с идеей общественного служения, подготовки детей к тому, чтобы занять достойное их высокому происхождению место в обществе, отразились в уставных документах и проектах формировавшихся учебных заведений.

Ключевые слова: идеал человека, царский указ, служение Отечеству, цели воспитания, самооценная личность.

М. Starodubtsev

Transformation of Judgments about Relevant Values and an Educational Ideal of the Person in a Society of the Russian Nobility in the XVIII Century

The development of the educational theory and practice in Russia at all its stages was caused by the changes of ideas in public consciousness about human values, about an ideal of the person and the purposes of education which in turn had been caused by the influence of certain historical conditions related to social and economic development. In the development of education in Russia during the rule of Catherine II the changes concerning views about spiritual and vital values of the upper class of Russian society were reflected. New values connected with the idea of public service, preparing children for occupying their place in the society worthy of their high origin were reflected in authorized documents and projects of the developing educational institutions.

Keywords: the ideal of the person, the imperial decree, service to fatherland, education purposes, self-valued person.

Важнейшим направлением политических изменений в России XVIII века стало усиление рационалистических подходов к определению основных задач государственной политики, прежде всего — в сфере экономики.

Многие дворяне в начале XVIII века также стали проявлять интерес к производству и к торговле, становясь своеобразной прослойкой в русском обществе. Дворянские вотчины, богатые и пашнями, и лесами, и бесплатной рабочей силой — крепостными, — становились хорошей основой для открытия новых прибыльных промышленных предприятий.

В то же время к началу XVIII века внутренний всероссийский рынок был уже достаточно развит для перехода к экспорту товаров. Многие российские регионы уже производили достаточное количество хлеба и животноводческих продуктов, предназначенных для продажи. Многие города стали центрами торговли.

Эти изменения нашли свое отражение в трансформации ценностных ориентаций русского общества и в Манифесте о вольности дворянства. Этот документ, подписанный Петром III (годы царствования 1761–1762), стал последней попыткой проведения консервативной политики, направленной на удовлетворение клановых интересов дворянства. Более того, данный манифест, подтвержденный указом Екатерины II, одним из первых в начале ее царствования в июле 1762 года обрел иной смысл. Екатерина II, как хитрый и дальновидный политик, тонкий дипломат, увидела в дворянской вольности, в свободе выбора могучий «воспитательный» рычаг, возможность скорректировать сознание этого стержневого социального слоя «дворянской империи».

Коллегия экономики, созданная выдающейся российской императрицей, приложила немало усилий для развития экономических интересов русского дворянства. Секуляризация земель, принадлежавших православной церкви, и раздача их дворянам,

разработка механизма замены барщины денежным оброком для крепостных крестьян, запрещение жалоб на самоволие помещиков со стороны крестьян, развитие рынка торговли крестьянами и многие другие меры позволили дворянству обогащаться материально. Вновь материальные интересы проникли в среду аристократии. На их фоне «духовные» ценности, связанные с социальной оценкой и с признанием исключительности родового происхождения, отошли на второй план.

Эти экономические и политические перемены в России повлекли весьма серьезные политические изменения. Русский меркантилизм второй половины XVII–XVIII веков во многом схож с западноевропейским, но имел и ряд отличий. Как и в странах Западной Европы, главным методом развития производства и торговли была помощь государства промышленникам-мануфактурщикам и купцам, которая выражалась в создании соответствующей правовой базы, в предоставлении им различных льгот и привилегий.

Изменение структуры сословного расчленения русского общества оказало серьезное влияние и на изменение приоритетов в ценностной структуре, и на процесс появления и укрепления новых воспитательных идеалов. Каждое сословие и каждая социальная прослойка вырабатывали свой образ идеального человека, на достижение которого осознанно и неосознанно направлялись усилия воспитателей. В начале XVIII века в развитии воспитательного идеала, главным образом, срабатывал механизм его дифференциации по социально-сословному признаку. Кроме того, наблюдалась широко-масштабное проникновение ценностных установок из Западной Европы, чему активно способствовала и идеология, и политика, проводимая российским государством.

В западной Европе к началу XVIII века сложилась весьма дифференцированная философско-этическая база, которая, получая распространение в России, оказала

серьезное влияние на эволюцию идеала человека и целей воспитания во всех сложившихся к тому времени сословиях. Основной идеей служило утверждение о том, что божественная сила творца, единожды создавшая мир, не может вмешиваться в ход его дальнейшего развития. Само общество, сами люди определяют и осмысливают свое земное бытие. Эта просветительская идея, противоречившая православно-патриархальным установкам, обычно именовалась как «теория естественного права» [3].

Проникновение в Россию новых представлений об идеале человека и целях его воспитания отразилось на эволюционном процессе развития аналогичных феноменов в русской просветительской мысли. Обобщающая характеристика европейского идеала человека, точнее, того нового, что появилось в европейской цивилизации в эпоху Возрождения и Просвещения, такова: во-первых, — отрицание религиозного характера ценностей и качеств личности, составляющих идеал человека, его светский характер; во-вторых, — представления об идеальном человеке, чувства которого подчинены разуму, развитие которого напрямую зависит от воспитания и образования; в-третьих, — «естественность» потребностей, интересов и поведения человека, свобода, самостоятельность и независимость от религии и власти, жизненная активность и инициатива, стремление к преобразованию общества; в-четвертых, — стремление к творчеству и труду; в-пятых, — динамичность идеала человека, изменчивость под воздействием объективных исторических факторов.

Процесс освоения европейских этических идеалов в России XVIII века шел постепенно. Основной целью деятельности Петра I в данной области была борьба со средневековым укладом жизни, не отвечавшим реалиям жизни ценностными установками, мешавшими созданию мощной Российской Империи. Ни боярство, ни дворянство, ни купечество не были готовы к быст-

рым преобразованиям в хозяйственной и военной сфере, что в условиях Северной войны было опасно для целостности государства.

Военные неудачи, хозяйственные неурядицы, бунты и восстания российского населения — очень многое говорило о неспособности существовавшего общественного уклада управлять государством. Петр I и его сподвижники, по-видимому, осознавали, что боярские и дворянские «дети» не готовы к службе как с точки зрения знаний и опыта, так и морально. «Ученая дружина» российского императора, в которую входили Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, И.Т. Посошков и др., развернула активную деятельность по изучению опыта европейских стран и внедрению в России новых для того времени взглядов на жизнь человека, на его нравственный долг служения отечеству и на будущее державы.

Формирование представлений об идеале человека занимало одно из центральных мест. В 1717 году в России по указанию Петра I было издано одно из первых нравственных учений новой эпохи «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением Его Императорского Величества Государя Петра Великого блаженная и вечнодостоинная памяти». Правила поведения для благородных юношей и девушек содержали множество указаний на то, какими им должно быть: «Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник, для того, что бодрый господин одобряет и слуга, подобно як бодрый и резвый конь учиняет седока прилежна и осторожна: потому отчасти, смотря на прилежность и бодрость или радение слуги, признать, како правление которого господина состоит и содержится, ибо не напрасно пословица говориться: каков игумен, такова и братия», — говорится, например, в тринадцатом параграфе [12].

Очевидна связь этого поучения с аналогичными источниками русского средневеко-

вья, но даже по небольшому отрывку чувствуются и отличия: бодрость, быстрота, трудолюбие — новые качества, не свойственные для более ранних поучений, чаще призывавших детей и юношей, напротив, к степенности.

Новым было и изменение отношения к знанию. С опаской и осторожностью, с требованиями неусыпно следить за возможным проникновением ереси был издан, например, царский указ о «привилегии» Московской академии, о котором шла речь выше. В новом «Духовном регламенте», составленном **Феофаном Прокоповичем** (1681–1736), отношение к наукам и учению изменяется кардинально: «И аще бы учение церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшие христианские особы и запрещали бы иным учиться: а то видя, что учились и все древние наши учителя, не токмо Священного Писания, но и внешней философии, и кроме многих иных славнейшие столпы церковные поборствуют и о внешнем учении. ...Такового же, тако рещи привиденного и мечтательного учения вкусивши, человецы глупейшии бывают от неученых. Ибо весьма темни суще, мнят ся быти совершенных и помышляя, что все что-либо знать мощно, познали... Се же вельми бедно, что именованные неосновательные мудрецы не токмо не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству, и отечеству, и церкви, пред властью надмеру смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их и пролезть на степень честный...» [7].

Уже в первой четверти XVIII века в государственных документах шла речь о необходимости светского знания, а само это знание связывалось с полезностью человека для государства, для служения государю. О запрещении изучения иностранных языков речь уже не шла, напротив, это вменялось в обязанность всем дворянским детям. В 27 параграфе наставления «Юности честное зеркало...» даже утверждалось: «Младые отроки должны всегда между собою гово-

рить иностранными языки, дабы навькнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случиться...» [12]. Европейское знание становилось доступным широкому слою дворян, прежде всего — молодому поколению.

Осмысление новых процессов, происходивших в России, в частности, и с точки зрения изменений идеала человека, совпало по времени с самими петровскими реформами. Написанная и представленная императору **Иваном Тихоновичем Посошковым** (1652–1726) «Книга о скудости и богатстве», стоившая автору после смерти Петра Великого тюремного заключения и самой жизни, — одна из первых попыток философско-социального освещения реформ. И.Т. Посошков высказывал мысль о распространении грамоты среди всех слоев населения, включая крепостных крестьян. Во всеобщей грамоте он видел справедливость, выражавшуюся в равных правах на интеллектуальное развитие всех людей. Считая, что грамотного крестьянина будет непросто обмануть, он видел в просвещенных служителях церкви настоящих народных учителей, рассуждал о том, что православная христианская мораль нуждается в надежном подкреплении разумом. Конечно, сочинение И. Т. Посошкова не было глубокомысленным философским трактатом. По форме, да и по содержанию оно во многом напоминало поучительные книги XVII века, и, тем не менее, здесь уже просматривался новый идеал человека, грамотного, более самостоятельного, способного использовать свои знания и противостоять злу и несправедливости.

Ученый-историк, географ, этнограф, педагог, инженер, военный, автор «Истории российской», составитель первого русского энциклопедического словаря **Василий Никитич Татищев** (1686–1750) был знаком с трудами европейских просветителей. В его работах прослеживается явная связь с философскими произведениями английских, французских и немецких мыслителей. «Ум

и воля хотя суть главнейшие свойства человека, ... но между ними весьма различное состояние: ум бо яко царь властвует, а воля влечет всякое хотение, из которого человеку всякие благополучия и беды приключаются; того ради нужно человеку прилежать, чтоб ум над волей властвовал, и сию яко лошадь служащую нашей пользе, а оный яко узду правящую употреблять» [11]. В форме разговора двух приятелей, доступным любому читателю языком, В. Н. Татищев излагал свои взгляды, которые коррелируются с идеями и представлениями об идеале человека, встречающимися у многих европейских философов.

По мнению В.Н. Татищева, в идеале, каждому человеку необходимы ум, почтение, любовь, дружба; понимание своей «удобнейшей приятности», смелость и способность самостоятельно мыслить и поступать; способность приобретать благо для себя, не нанося ущерба другим. По смыслу и содержанию такие представления об идеале человека очень сходны с теми, что представлены во многих течениях европейской рационалистической философии конца XVII — начала XVIII веков.

Не менее новы и прогрессивны взгляды В. Н. Татищева на идеал человека — шляхетского (служивого) дворянина, для которого служение Отечеству и государю является нравственным долгом. Основной идеей по прежнему остается мысль о власти разума над эмоциями, но, кроме того, В. Н. Татищев обращал внимание на то, что государственный человек должен быть добр и терпелив по отношению к другим людям, даже к самым «маленьким», должен быть примерным семьянином и продолжателем своего рода, должен знать и уважать закон.

В трудах В. Н. Татищева особенно важным представляется то, что за идеальным образом человека виден, прежде всего, сам человек, а не его должность. Автор уделяет большое внимание именно личностным качествам и тем нравственным ориентирам, которые образуют целостное жизненное

кредо, которое должно проявляться и на службе и в быту. Для воспитания такого человека необходима, по его мнению, разносторонняя подготовка — полноценное образование, а не обучение ремесленным навыкам. Это значительно расширяло цель воспитания в новых образовательных учреждениях, создававшихся в России.

Огромный вклад в развитие представлений об идеале человека в середине XVIII века внес великий русский ученый **Михайло Васильевич Ломоносов** (1711–1765). По его мнению, разум человека является богатством, данным от бога, и все способные к освоению знаний представители разных сословий должны иметь возможность для развития ума и овладения науками. М. В. Ломоносов утверждал, что наука не терпит рабства, так как несет в себе свободу, и способный к обучению крепостной может получить вольную для приобретения образования.

Природные дарования человека М. В. Ломоносов разделял на душевные и телесные. К душевным относил остроумие и память, сравнивая их с плодородной землей. Он утверждал, что в России живет много одаренных людей и просвещение может стать тем фактором, который отразится на благочестивом нраве народа в целом, благотворно скажется на развитии империи [4].

Новый ракурс в осмыслении идеала человека и целей воспитания задал русский просветитель, переводчик, поэт, профессор Московского университета **Николай Никитич Поповский** (1730–1760). Помимо общих рассуждений о важности развития разума человека, работая над переводом книги Джона Локка «Мысли о воспитании», он затронул проблему адаптации европейских взглядов на воспитание и воспитательный идеал в других странах и для разных сословий. По мнению Н. Н. Поповского, идеи Дж. Локка применимы в любой стране и для воспитания людей любого сословия, но с некоторыми оговорками: « ... оставляя то, что с их обстоятельствами не

сходно, прочее потребными отменами при-
норавливая к своему состоянию» [8].

Большое внимание развитию в России представлений об идеале человека уделял известный писатель и поэт, пропагандист идей французского просветительства **Ипполит Федорович Богданович** (1743–1803). Он трансформировал рационально-психологические представления французских просветителей о качественных характеристиках идеала человека в доступную для восприятия детей форму, дал своему труду название: «Таблица для детей, служащая к познанию главных добродетелей, их неправильного употребления, противодействующих им пороков и нужных правил к сохранению добродетелей» [2]. В этой работе отчетливо прослеживалась попытка диалектического рассмотрения различных качеств, присущих человеку, в их взаимодействии и борьбе, победа добра, которая возможна посредством воспитания и развития силы разума. И.Ф. Богданович объединял присущие человеку качества в антонимичные триады: благоверие — легковерие — неверие; любовь — любовь безрассудная — нечувствительность; благоразумие — «глубокое благоразумие» — легкомыслие; твердость добрых правил — упрямство — ветренность; и т. д.

Примечательна открытая И. Ф. Богдановичем полемика о воспитательном идеале в педагогической практике. В качестве первого правила, которому необходимо следовать при обучении в Московском университете, им было предложено следующее: «Никто, не имеющий воспитания сам, других воспитывать не может, и учитель, не показывающий собою примеров честности, добродетели, непорочности нравов и благоразумия, больше вреда, нежели пользы приносит воспитываемым. Почему он обязан подавать учащимся пример и вообще во всем учении должен быть снисходителен и ласков» [1].

Видный организатор народного просвещения **Федор Иванович Янкович де Ми-**

риево (1741–1814), также возлагал на педагогов функцию живого нравственного примера. Учителя, по его мнению, по званию своему обязаны «заступать место родителей». При этом они должны быть наделены такими качествами, как благочестие, любовь, бодрость, терпение и прилежание. В его рассуждениях об этих качествах заметно некоторое слияние европейских рациональных светских черт воспитательного идеала с православными. В благочестии учитель должен сочетать светскую порядочность с почитанием бога и отказом от клятв, любовь учителя — сочетание любви к ближнему с отеческим отношением к детям и «важным видом», присущим его положению, терпение учителя, также сочетание христианского терпения, вытекающего из отношения к ребенку как к ближнему своему, и профессионального терпения мастера, исполняющего многотрудную работу, и т. д.

Идеал человека, с точки зрения И. Ф. Богдановича и Ф. И. Янковича де Мириево, должен иметь реальное воплощение в конкретных людях: педагогах, занимающихся воспитанием и образованием детей и юношей. Живой пример, живое воплощение идеала человека в воспитательной практике стало новым этапом в эволюции понимания воспитательного идеала в России. Действительно, в утилитарных, материалистических, правда, излишне психологизированных представлениях об идеале человека как в европейских, так и в отечественных этических учениях, он стал как бы более реалистичным, конкретизированным. Вследствие этого в философско-педагогической мысли начал выработываться иной подход к его описанию и применению в воспитательной практике, основанный на том, что необходим живой носитель этого идеала, наглядный нравственный пример для ребенка, в роли которого стал выступать педагог.

Известный русский просветитель-педагог, либерал, изучивший подробно всю

европейскую философско-педагогическую теорию своего времени, организатор и практик воспитания, **Иван Иванович Бецкой** (1704–1795) также уделял большое внимание проблеме воспитательного идеала и цели воспитания.

Идеи И. И. Бецкого восходили к тем европейским философско-педагогическим концепциям, которые рассматривали воспитание как важное средство общественной репродукции и развития. Мысли о воспитании «новой породы людей» вели к созданию системы воспитания и образования в закрытых учебных заведениях, вне развращающего влияния «подлой» социальной среды и даже семьи. И. И. Бецкой, следуя, прежде всего, за французскими мыслителями, утверждал: «...просвещенный науками разум не делает еще доброго прямого гражданина. Но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях и твердо оные в сердце его не вкоренены; а небрежением того и ежедневными дурными примерами привыкает он к мотовству, своевольству, бесчестному лакомству и непослушанию» [10, с. 149].

И. И. Бецкой так характеризовал присущие идеалу благородной девицы черты, занимаясь проблемами воспитания в первых российских женских учебных заведениях: «Повиновение начальствующим, взаимная учтивость, кротость, воздержание, равенственное в благонравии поведение, чистое, к добру склонное и праводушное сердце, а напоследок благородным особам приличная скромность и великодушие, и одним словом удаление от всего того, что гордостью и самолюбием назваться может» [6]. Почти военная лаконичность и точность, уставная форма изложения выдают в И. И. Бецком приверженца установок и рекомендаций по воспитанию Дж. Локка, а учебные заведения, организованные благодаря усилиям русского просветителя, напоминали закрытые учебные заведения Англии.

В последней трети XVIII века труды русских просветителей, посвященные проблемам идеала человека и целей воспитания, стали носить характер, более близкий к научному. От наставлений, уставов и поучений российские мыслители-педагоги стали постепенно переходить к рассуждениям, объясняющим истоки их подходов. Весьма интересны как по форме, так и по содержанию работы **Екатерины Романовны Дашковой** (1743–1810). В своей статье «О смысле слова воспитания» она затронула исторический аспект развития представлений о воспитательном идеале на Руси и в России. С ее точки зрения, православно-патриархальный подход имел узкую, ограниченную цель — воспитать человека в повиновении царю, церкви и в твердости данному слову, что позволяло говорить о том, что такое воспитание вообще воспитанием называться не может.

С другой стороны, в «естественном» воспитании также имеются свои недостатки. Обучение иностранному языку под руководством зачастую невежественных французов, лишенное определенной познавательной цели, сводилось в практике к бесполезному изучению французской болтовни, которая не добавляет человеку ни ума, ни свободы. Е. Р. Дашкова писала о моде на «благородство», которая заключается во включении в устную русскую речь исковерканных французских слов.

Автор обращала внимание современников на то, что в патриархальной Руси никто не стеснялся быть русским, чего нельзя сказать о многих молодых людях конца XVIII века. Погоня за внешними сторонами воспитания свелась к примитивному подражанию иностранцам. Е. Р. Дашкова писала о том, что отсутствие реального примера воспитанного человека перед глазами детей сводит на нет любую, даже самую благородную цель воспитания.

Видный деятель эпохи русского Просвещения, вольнодумец и демократ **Николай Иванович Новиков** (1744–1818),

впервые в России употребивший термин «педагогика», предпринял попытку обоснования цели воспитания. Раздел «О всеобщей и последней цели воспитания и о частях его», вошедший в ставшую популярной в те годы работу «О воспитании и наставлении детей», полностью посвящен этой проблеме [5].

Польза государству и человеку представлялась Н. И. Новикову основой для рассуждений о цели воспитания, он усматривал неразрывную связь этих составляющих, обосновывая это тем, что все усилия педагогов и родителей бессмысленны, если не удастся «образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами». Кроме того, автор писал, что без устойчивой нравственно-религиозной основы в душе человек предастся либо порокам, либо «дурачествам», значит, одна из основных задач воспитания — воспитание в человеке нравственных начал. Несчастен и бесполезен для общества человек больной и слабый, значит, вторая задача — физическое воспитание ребенка. Третья, не менее важная задача, вытекающая из общей цели воспитания, по Н. И. Новикову, — умственное развитие человека в соответствии с его способностями и принадлежностью к определенному «гражданскому классу».

Важный аспект цели воспитания, затрагивавшийся Н.И. Новиковым в его педагогических трудах, — национальный характер воспитания. Единая цель воспитания не должна мешать проявлению любви к родному языку и «малому отечеству». Россия сформировалась как многонациональное государство, и российские просветители в целом пришли к выводу, что национальная специфика изначального семейного воспитания не должна мешать и не мешает воспитанию преданного гражданина страны в целом. Более того, ими был заложен фундамент для деятельности тех представителей русской интеллигенции, которые в XIX веке затратили много усилий, помогая малым

народам России в обретении своей национальной письменности и культуры в целом.

Проблеме цели воспитания и нравственного воспитательного идеала уделял большое внимание и известный профессор Московского университета, профессиональный педагог, **Павел Афанасьевич Сохатский** (1766–1809). Его взгляды на эти проблемы были отражены в речи «Слово о главной цели воспитания» [10].

П. А. Сохатский обратил внимание на то, с какой быстротой пристаёт к ребенку все дурное, исходящее от окружения, и сколь редко встречается окружение благоприятное для развития добрых нравов. Долг, который принимает на себя педагог, по его мнению, безмерно тяжёл, так как ему приходится исправлять то, что уже испорчено. Это возможно только в том случае, если педагог в совершенстве владеет науками, имеет хороший вкус и манеры, честен и порядочен настолько, что может стать ярким примером для подражания ребенку.

Идеал человека и основная цель воспитания, по мнению П. А. Сохатского, — это человек самостоятельный и деятельный, способный приносить как личное, так и общее благо.

Наиболее радикальных, революционных взглядов на идеал человека и цель воспитания придерживался **Александр Николаевич Радищев** (1749–1802). Его представления о благородстве, о готовности к самопожертвованию, о благонамерении и благонравии не совпадали с общепринятыми трактовками. Он был противником слепой покорности властям, его идеал стремился к «законам естества народоправления» [9]. Его революционные педагогические идеи воспитания борца с деспотизмом и рабством во многом созвучны европейским источникам. Такое понимание воспитательного идеала заняло свое место в ряду других представлений о нем и впоследствии было широко использовано революционными демократами.

Влияние европейской философско-педагогической мысли на процесс эволюции воспитательного идеала в России очевиден. При этом нельзя не обратить внимание на ряд особенностей. В XVIII веке практически не развивались атеистические взгляды, православная религия, напротив, находила свое место в содержании идеала человека фактически у всех русских просветителей. Другая особенность заключается в том, что европейское просвещение ориентировалось на новое, «третье сословие», а в России речь шла, прежде всего, о воспитании детей «благородного» сословия, воспитанию выходцев из среднего купечества, из мещан, из крестьян уделялось крайне слабое внимание.

В XVIII веке российская педагогика не приобрела столь яркую политическую окраску, как в Европе, не воспринималась как одно из средств, способствующих революционному преобразованию общества. Особых политических разногласий относительно целей воспитания у российских просветителей не наблюдалось, за исключением, пожалуй, А. Н. Радищева.

Русская православная церковь в XVIII веке не оставалась в стороне от процесса общественного воспитания. Стефан Яворский и Феофан Прокопович придали своеобразные «рационалистические» черты православному богословию. Из содержания учебного предмета «Закон Божий» были удалены особенно непонятные части, были пересмотрены правила поведения священнослужителей всех чинов, усилен контроль за их мирской и служебной жизнью, сняты запреты с «латинских ересей», но усилена борьба с религиозными сектами, принят ряд радикальных мер по обучению детей духовенства и помощи государству в создании школ.

Создается впечатление, что особых противоречий между церковными и российскими светскими представлениями об идеале человека и цели воспитания в XVIII веке не было, хотя конфликт назревал. Во всех

светских учебных заведениях были оборудованы православные храмы. Закон Божий к концу XVIII века занял в содержании образования важное место, действовала духовная цензура.

Таким образом, в российской философско-педагогической мысли в XVIII веке происходило постепенное внедрение идеалов человека, отражавших учения европейского Просвещения фактически во всем имевшемся спектре при сохранении черт православного идеала. Российская философско-педагогическая мысль приблизилась по форме к европейской и даже начала продуцировать собственные идеи, особенно отражавшие проблемы многонациональной страны и адаптации европейских представлений об идеале человека к православному подходу.

Общественное сознание высших сословий «дворянской империи» складывалось под влиянием изменений во взглядах на традиционные ценности православной Руси, уклад жизни и ценностные установки которой, начиная еще с середины XVII века, стали осмысливать критически. С другой стороны, в Россию, благодаря государственной политике Петра I, из Европы начали проникать представления о светских бытовых и нравственных ценностях, которые развивались на Западе. В России появились люди, способные к самостоятельному осмыслению действительности, выдвигавшие собственные нравственно-этические идеи, отражавшиеся в процессе развития образования.

Весьма условно в XVIII веке можно выделить три этапа развития взглядов на воспитательный идеал: *во-первых*, период петровских реформ, в котором доминировали идеи, связанные с системой ценностей дворянского служения; *во-вторых*, период стагнации и отступления от ценностных ориентаций петровской эпохи, наступивший сразу после смерти императора и продолжавшийся до воцарения императрицы Екатерины II, характеризовавшийся утвер-

ждением ценности сословного превосходства привилегированного человека-дворянина, когда об истинном предназначении общественного авангарда временно забыли; в-третьих, период правления Екатерины II и Павла I, когда под воздействием экономических факторов высший слой общества был вынужден включить в сферу своей деятельности материальное производство, в результате чего в России сложились благоприятные условия для проникновения широкого спектра западноевропейских представлений об идеале человека и целях воспитания.

В конце XVIII века в России, прежде всего благодаря Екатерине II и ее сподвижникам в среде дворянства, начало складываться представление о человеке как о самоценной личности. Возникновение такой ценностной ориентации в известной степени отражало ход развития взглядов на жизненные ценности и цели воспитания, происходившего в Западной Европе. Именно это направление предвосхитило наиболее важные изменения в общественном сознании, которые произошли в XIX веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданович И. Ф.* О способе учения // *Белявский М. Т.* М. В Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. Приложение.
2. *Богданович И. Ф.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1848.
3. *Клибанов А. И.* К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // *История СССР.* М., 1963. С. 87–88.
4. *Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения. М., 1950. 759 с.
5. *Новиков Н. И.* О воспитании и наставлении детей // Прибавление к Московским ведомостям. 1783. № 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34, 82–94.
6. Планы и уставы генерального поручика Бецкого Шляхетного сухопутного кадетского корпуса. СПб., 1766. 32 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. № 3718. СПб., 1830. С. 314–346.
8. *Поповский Н. Н.* К читателю // Локк Дж. О воспитании детей: В 2 т. Т. 1. М., 1759.
9. *Радищев А. Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества // Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 44–56.
10. *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Сочинения. М., 1880. Т. 5. С. 149–156.
11. *Татищев В. Н.* Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. М., 1887.
12. Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением Его Императорского Величества Государя Петра Великого блаженная и вечнодостоинная памяти. Санкт Петербург, лета 1717. 56 с.

REFERENCES

1. *Bogdanovich I. F.* O sposobe uchenija // *Beljavskij M. T.* M. V Lomonosov i osnovanie Moskovskogo universiteta. M., 1955. Prilozhenie.
2. *Bogdanovich I. F.* Sochinenija. SPb., 1848. T. 1.
3. *Klibanov A. I.* K karakteristike novyh javlenij v russkoj obshchestvennoj mysli vtoroj poloviny XVII — nachala XVIII v. Istorija SSSR. M., 1963. S. 87–88.
4. *Lomonosov M. V.* Izbrannye filosofskie proizvedenija. M., 1950. 759 s.
5. *Novikov N. I.* O vospitanii i nastavlenii detej // Pribavlenie k Moskovskim vedomostjam. 1783. № 2, 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 28, 34, 82–94.
6. Plany i ustavy general'nogo poruchika Betskogo Shljahetnogo suhoputnogo kadetskogo korpusa. SPb., 1766. 32 s.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. T. IV. № 3718. SPb., 1830. S. 314–346.
8. *Popovskij N. N.* K chitatelju // Lokk Dzh. O vospitanii detej: V 2 t. T. 1. M., 1759.

9. Radishchev A. N. Beseda o tom, chto est' syn Otechestva: Poln. Sobr. soch. M.; L., 1938. T. 1. S. 44–56.
10. Samarin Ju. F. Stefan Javorskij i Feofan Prokopovich. Sochinenija. M., 1880. T. 5. S. 149–156.
11. Tatishchev V. N. Razgovor dvuh prijatelej o pol'ze nauk i uchilishch. M., 1887.
12. Junosti chestnoe zertsalo, ili Pokazanie k zhitejskomu obhozhdeniju, sobranное ot raznyh avtorov pove- leniem Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudarja Petra Velikogo blazhennaja i vechnodostojnaja pamjati. Sankt Peterbug, leta 1717. 56 s.

С. И. Дьяков

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ВОЕННОГО ВУЗА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ

Автор описывает основные традиции подготовки офицерских кадров. Проанализированы традиции в системе военного образования и непосредственно в образовательном процессе вузов ракетных войск и артиллерии. Отмечается, что процесс воспитания в военных вузах, построенный на традициях подготовки офицерских кадров, в приоритетном порядке должен включать формирование духовных потребностей курсантов как будущих офицеров.

Ключевые слова: традиции подготовки офицерских кадров, духовные потребности и их классификация, образовательный процесс военного вуза, формирование духовных потребностей.

S. Dyakov

The Educational process of a Military Hei as a Means of the Development of Spiritual Needs of Preservice Officers

The basic traditions of training officers are described. The traditions in the system of military education are analysed, particularly in the educational process of HEIs of rocket armies and artillery. It is argued that the process of education in military HEIs, based on the traditions of training officers shots, should include the development of spiritual needs of pre-service officers.

Keywords: Traditions of training officers shots, spiritual needs and their classification, educational process of military heis, development of spiritual needs.

Современное образование призвано за- кладывать не только модели деятельности человека в будущем, но и его духовную со- ставляющую. Именно духовное воспроиз- водство человека является важнейшей сфе- рой образования. Поэтому формирование духовного мира личности, способной к соз- нательному житнетворчеству и к нравст- венным поступкам, к ответственным отно- шениям и конструктивным решениям, к са- мостоятельному целеполаганию и к гибко- му позитивному мышлению, становится центральным моментом образовательного

процесса. Поскольку пусковым механизмом жизнедеятельности человека, показателем его активности и духовности, устойчивой основой избирательного поведения являют- ся потребности, то основной задачей про- фессионального обучения и воспитания в военных вузах должно быть именно форми- рование и развитие духовных потребностей у будущих офицеров.

Русская военная школа прошла большой путь. В разные века, в разное время передо- вые люди России пытались сделать все не- обходимое и возможное для того, чтобы